

ББК 85.2я71
У74

**Одобрено Научно-редакционным советом корпорации
«Российский учебник» под председательством академиков
Российской академии наук В. А. Тишкова и В. А. Черешнева**

Усачёва, В. О.
У74 Музыка : 6 класс : учебник / В. О. Усачёва, Л. В. Школяр. – М. :
Вентана-Граф, 2018. – 188, [4] с. : ил. – (Российский учебник).
ISBN 978-5-360-07710-7

Научить детей видеть и слышать прекрасное – такова цель, которую поставили перед собой авторы настоящего учебника. Учащиеся учатся исследовать музыку во взаимосвязи с другими видами искусства и самой жизнью. Художественно-информационное пространство учебника организовано в соответствии с главной идеей учебно-методического комплекта – развитие художественного мышления, постигающего музыкальные и жизненные явления в их диалектическом взаимодействии.

Учебник развивает творческие способности подростков, воспитывает в них уважение к традициям своего народа, к отечественной и мировой культуре.

В комплекте с учебником предлагаются рабочая программа, электронная форма учебника (ЭФУ), аудиоприложение (www.lecta.ru), рабочая тетрадь и методическое пособие для учителя.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования.

ББК 85.2я71

ISBN 978-5-360-07710-7

© Усачёва В. О., Школяр Л. В., 2018
© Издательский центр «Вентана-Граф», 2018

Дорогие ребята!

Уже шестой год вы изучаете музыкальное искусство.

Авторы учебника, работая над его содержанием, попытались дать вам возможность «остановить» движение звуков во времени, чтобы рассмотреть это явление — музыку — более пристально.

Изучая основы музыкальной грамотности, вы осваиваете музыкальный язык, знание которого не ограничивается узнаванием нотных знаков, хотя невозможно переоценить способность человека с их помощью фиксировать и воспроизводить свои мысли и чувства, требующие именно музыкального воплощения. Поэтому в учебнике по музыке всегда есть нотная запись основных фрагментов изучаемых произведений. Правда, рассматривать их совершенно бесполезно без желания разобраться в музыкальном содержании, «расслышать» и понять, почему те или иные жизненные явления (чувства, события, впечатления и т. д.) выражены именно с помощью музыкального искусства, почему человечество нуждается в музыке, как она возникла, какую роль играла и играет в жизни человека, в частности в вашей, и что вообще может пониматься под музыкой в широком смысле слова.

Эти два понятия — музыка и жизнь — неразрывны. Но чтобы почувствовать это всем сердцем, во всей полноте, словесных объяснений недостаточно. Это должно родиться в вашем сознании при одном условии: музыка, прозвучавшая в классе, вновь возникнет лично для каждого из вас, обогащённая художественными ассоциациями, метафорами, фантазиями, портретами, цитатами, авторскими размышлениями и другими материалами, которые можно увидеть на страницах учебника. Работа с ними помогает выявить смысловые связи, таящиеся в чередовании документальных материалов, поэтических и прозаических текстов, нотных страниц, рисунков, портретов, отступлений-интермедий. Эти связи, может быть, на первый взгляд незаметны, но важны для понимания главной проблемы.

Авторы посчитали необходимым организовать для вас материал учебника как встречи с замечательными музыкантами и их

размышлениями о музыке, о своём призвании, о жизни, о процессе сочинения и об особенностях исполнения их произведений. Возникающие внутри главы или между главами «интермедии» — это как бы «к слову» — уточнения, размышления, лирические отступления.

На страницах учебника вам встретятся условные обозначения. Каждому из них соответствует определённый тип задания. Это не означает, что вы, ребята, не можете сами выбрать для себя образ действий и способ эффективного решения проблемы. Пробуйте!

И главное, помните — участь музыке, вы обретаете неиссякаемый источник наслаждений на всю жизнь!

Условные обозначения

Размышляем об искусстве

Работаем самостоятельно

Анализируем, сравниваем, обобщаем

Обсудим вместе

Выполняем проект

Работаем в группах

Развиваем творческие способности.

Выполняем задания в рабочей тетради

*

Задание повышенной сложности

Слушаем музыкальное произведение из аудиоприложения

The background is a vibrant, abstract composition of warm colors—yellows, oranges, and reds—blended with cooler tones of purple and blue. The texture is reminiscent of a watercolor or a soft-focus photograph of light. Overlaid on the left side is a black line drawing of a musical staff with five horizontal lines. A large, flowing, black outline shape, resembling a stylized musical note or a calligraphic flourish, starts from the top left and curves down and around the text box. The text box is a light beige rectangle with a slightly distressed, torn-edge appearance, containing the title in a bold, black, serif font.

**Музыка в жизни,
жизнь в музыке —
как это услышать?**

Тире между двумя датами

Джованни Палестрина (1525–1594)
Орландо ди Лассо (1532–1594)
Франсуа Куперен (1668–1733)
Иоганн Себастьян Бах (1685–1750)
Йозеф Гайдн (1732–1809)
Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791)
Людвиг ван Бетховен (1770–1827)
Франц Шуберт (1797–1828)
Гектор Берлиоз (1803–1869)
Михаил Иванович Глинка (1804–1857)
Фридерик Шопен (1810–1849)
Ференц Лист (1811–1886)
Рихард Вагнер (1813–1883)
Иоганнес Брамс (1833–1897)
Александр Порфирьевич Бородин (1833–1887)
Модест Петрович Мусоргский (1839–1881)
Пётр Ильич Чайковский (1840–1893)
Антонин Дворжак (1841–1904)
Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844–1908)
Анатолий Константинович Лядов (1855–1914)
Густав Малер (1860–1911)
Клод Дебюсси (1862–1918)
Александр Николаевич Скрябин (1871–1915)
Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943)
Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953)
Артюр Онеггер (1892–1955)
Исаак Осипович Дунаевский (1900–1955)
Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975)

Что скрывается за тире между двумя датами?

Глаза скользят от даты к дате, отмечая тире, как нечто отделяющее одно от другого. А ведь маленькой чёрточкой обозначается целая жизнь. Однажды стоит поразмышлять над этим, взглянуться в эту чёрточку и подумать, что она ставится между датами рождения и смерти каждого человека. И рядом с нашими именами тоже можно поставить даты, разделённые этим знаком. Например, от даты рождения до какого-нибудь важного для вас события или до сегодняшнего дня. Будет тире стоять и потом, не став длиннее, несмотря на прожитое время.

Жил-был, жили-были... Кто жил? — Дед и баба. И всё. Даже имён не осталось. Истории и сказки остались, а имена — нет. Время и адрес тоже интересные: давным-давно, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. Читаем эти сказки с детства, интересно — перечитываем!

А вот есть имя, есть точный адрес и время: этот человек, и этот, и этот, и ещё этот... родился, учился, трудился, ленился, радовался, любил, печалился, ненавидел, верил, разочаровывался, уходил, возвращался, боролся, боялся, успокаивался, ждал...

Эдвард Григ (1843–1907)

В этом тире, вмещающем всю жизнь и творчество норвежского композитора Грига, есть значительное место для его размышлений о Пере Гюнте и, следовательно, для сочинения музыки к драме Генрика Ибсена «Пер Гюнт» (1874–1875). Вспомним и мы о Пере, Сольвейг, Озе, о Доврском деде. А это значит, что мы обязательно мысленно обратимся к тому, что сам Григ «обдумывал» музыкой.

Э. Григ, музыка к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт»: «Утро», «Смерть Озе», «Песня Сольвейг».

Задание 1.

Думаете ли вы о чём-то своём, когда слушаете музыку? Можно ли сказать, что музыка заставляет вас «проживать» целую жизнь вместе с героями, или вам удобнее наблюдать за событиями со стороны?

Задумайтесь, нет ли у вас таких же черт, как у Сольвейг, Анитры, Пера или... тролля. Ощущали ли вы когда-нибудь воздействие на себе Великой Кривой?

Попробуйте вспомнить свои импровизации во 2 классе на тему «Пуговичник», «Доврский дед», «Великая Кривая» и озвучить голосом или на инструменте свои нынешние музыкальные мысли о главном из «Пера Гюнта».

Задания 2, 3.

В пьесе норвежского драматурга Генрика Ибсена «Пер Гюнт» главный герой после длительного путешествия возвратился на родину. Он стар, его время на земле подошло к концу. Распродавая своё имущество после смерти матери, он встретил Пуговичника, который решил, что нужно перелить душу Пера в пуговицу, если он не сможет объяснить, где и в какие моменты своей жизни был самым собой. Пер не на шутку испугался. Он попросил у Пуговичника отсрочку. Тот отпустил Пера, чтобы он нашёл человека, который помнил бы, каким Пер был раньше. Он задавал всем встречным один вопрос: «Каким рождён я был?..» Так в конце жизни пришлось ему всматриваться, что сокрыто за этим самым тире между двумя датами.

Тире — это путь от одной даты к другой. Путь от рождения до смерти. И то и другое слово имеют множество синонимов. Рождение — явление, восход, утро, начало, привет, приход... Смерть — уход, закат, сумерки, прощание... Одно — свет, другое — тьма.

Унылая пора, очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса...
 Люблю я тихое природы увяданье,
 В багрец и золото одетые леса.

А. Пушкин

Пленяют и одновременно заставляют задуматься слова «прощальная краса», «тихое увяданье», «золото»... Краса — в тихом уходе, увяданье. Смиренно и тихо, как бы в понимании значительности неизбежного перехода, превращения и итога жизненного цикла, природа даёт нам урок мудрости. Может быть, поэтому и золотая она, и красивая? Красноречивое молчание — золото и багрец. Этот уход — ради прихода! Так понимали жизнь наши предки, совершая обряды, инсценирующие умирание, уничтожение старого для рождения нового. Об этом говорят народные сказки и песни. Этому посвящены все зимне-весенние народные праздники. Это слышится и в поминальных песнях (стихах).

«Тут тьякла протьякла...»

Поминальный стих

Тут тья - кла про - тя - кла
 Ту - та шли, ну про - шли
 реч - ка бы - стра - я. Тут тья -
 три се - стри - чи - ну - ски. Ту - та
 -кла про - тя - кла реч - ка
 шли, ну про - шли три се -
 бы - стра - я.
 -стри - чи - ну - ски.

Через тую речку перекладинка лежить.
А кому из них наперёд ийти?
Старшая сестра наперёд пошла,
Перекладинка подломилася,
Старшая сестра утопилася.
Не ходи, братец мой, по крутому бережку.
Не топчи, братец мой, шелкову траву.
Не бросай, братец мой, белы камешки.
Не лови, братец мой, белорыбицу.
Не мути, братец мой, ты речную воду.
Ты не пей, братец мой, родниковую.
А крутой бережок — это грудь моя.
Шелкова трава — это волос мой.
Белы камешки — это глазки мои.
Белорыбица — это тело моё.
А речная вода — это кровь моя.
Родникова вода — это слёзки мои.

Мысли и чувства человека становятся музыкой

Часто на стенах дома люди помещают фотографии родных и близких. Кроме них можно увидеть портреты тех, кто не связан с ними родственными узами и не считается знакомым. Иной раз такие портреты висят на самом видном месте, иной раз — в заветном уголке, подальше от чужих глаз. Эти уважаемые и любимые люди, как правило, совершили что-нибудь значимое, великое, стали примером для подражания.

Есть ли у вас дома портреты таких людей? Кто из них служит для вас примером, за что вы их любите и почитаете?

Но есть и такие имена, которые остались только в историях, передающихся в устных рассказах. Услышав одну из них, писатель её записал, оставив нам этот рассказ «для увеселения».

Для увеселения Рассказ отца

Б. Шергин

В семидесятых годах прошлого столетия* плыли мы первым весенним рейсом из Белого моря в Мурманское.

Льдина у Терского берега вынудила нас взять на восток. Стали попадаться отмельные места. Вдруг старик рулевой сдёрнул шапку и поклонился в сторону еле видимой каменной грядки.

— Заповедь положена, — пояснил старик. — «Все плывущие в этих местах моря-океана, поминайте братьев Ивана и Ондreja».

Белое море изобилует преданиями. История, которую услышал я от старика рулевого, случилась во времена недавние,

---

* Имеется в виду XIX век.

но и на ней лежала печать какого-то величественного спокойствия, вообще свойственного северным сказаниям.

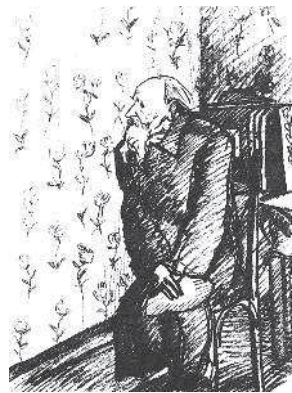
Иван и Ондrejaн, фамилии Личутины, были родом с Мезени. В свои молодые годы трудились они на верфях Архангельска. По штату числились плотниками, а на деле выполняли резное художество. Старики помнят этот избыток деревянных аллегорий* на носу и корме корабля. Изображался олень, и орёл, и феникс, и лев... На корме находился клейнод, или герб, того становища, к которому приписано судно.

...К концу сороковых годов в силу каких-то семейных обстоятельств братья Личутины воротились в Мезень. По примеру прадедов-дедов занялись морским промыслом. На Канском берегу у них станова изба. Сюда приходили на карбасе**, отсюда напускались в море, в сторону помянутого корга***.

На малой каменной грядке жилали по несколько дней, смотря по ветру, по рыбе, по воде. Сюда завозили хлеб, дрова, пресную воду. Так продолжалось лет семь или восемь. Наступил 1857 год, весьма неблагоприятный для мореплавания. В конце августа Иван с Ондrejaном опять, как гагары, залетели на свой островок. Таково рыбацкое обыкновение: «Пола мокра, дак брюхо сыто».

И вот хлеб доели, воду выпили — утром, с попутной водой, изладились плыть на матёрую землю. Промышленную рыбу и снасть положили на карбас. Карбас поставили на якорь меж камней. Сами уснули на бережку, у огонька. Был канун Семёна дня, летопроводца. А ночью ударила штормовая непогодушка. Взводень, вал морской, выхватил карбас из каменных воротцев, сорвал с якорей и унёс безвестно куда.

Беда случилась страшная, непоправимая. Островок лежал в стороне от расхожих морских путей. По временам осени нельзя было ждать проходящего судна. Рыбки достать не-

* Аллегория (*греч.*) — выражение отвлечённого понятия конкретным предметом.

** Карбас — промысловое парусно-гребное судно среднего размера, распространённое на севере России до начала XX века.

*** Корга — скопление камней, каменная гряда.

чем. Валящие кости да рыбы черепа — то и питание. А питьё — сколько дождя или снегу выпадет.

Иван и Ондrejaн понимали своё положение, ясно предвидели свой близкий конец и отнеслись к этой неизбежности спокойно и великодушно.

Они рассудили так: «Не мы первые, не мы последние. Мало ли нашего брата пропадает в отношениях морских, пропадает в кораблекрушениях. Если на свете не станет ещё двоих рядовых промышленников, от этого белому свету перемененья не будет».

По обычаю, надобно было оставить извещение в письменной форме: кто они, погибшие, и откуда они, и по какой причине померли. Если не разыщет родня, то и, приведётся, случайный мореходец даст знать на родину.

На островке оставалась столешница, на которой чистили рыбу и обедали. Это был телдос, звено карбасного поддона. Четыре четверти в длину, три в ширину.

При поясах имелись промышленные ножи — клепики.

Оставалось ножом по доске нацарапать несвязные слова предсмертного вопля. Но эти два мужика — мезенские мещане по званию — были вдохновенными художниками по призванию.

Не крик, не проклятье судьбе оставили по себе братья Личутины. Они вспомнили любезное сердцу художество. Простая столешница превратилась в произведение искусства. Вместо основной доски видим резное надгробие высокого стиля.

Чудное дело! Смерть наступила на остров, смерть замахнулась косою, братья видят её — и слагают гимн жизни, поют песнь красоте. И эпитафию* они себе слагают в торжественных стихах.

Ондrejaн, младший брат, прожил на островке шесть недель. День его смерти отметил Иван на затыле достопамятной доски.

Когда сложил на груди свои художные руки Иван, того нашими человеческими письменами не записано.

* Эпита́фия (греч.) — надгробная надпись.

Спас Каргопольский Северный

На следующий год, вслед за вешнею льдиной, племянник Личутиных отправился отыскивать своих дядьёв. Золотистая доска в чёрных камнях была хорошей приметой. Племянник всё обрядил и утвердил. Списал эпитафию.

История, рассказанная мезенским стариком, запала мне в сердце. Повидать место покоя безвестных художников стало для меня заветной мечтой. Но годы катятся, дни торопятся...

...Определили место личутинского корга.

О вечерней воде побежали мы с Максимом Лоушкиным в шлюпке под парусом. Правили в голомя*. Ближе к полуночи ветер упал. Над водами потянулись туманы. В тишине плеснул взводёнок — признак отмели. Закрыли парус, тихонько пошли на вёслах.

— Теперь где-нибудь близко, — шепчет мне Максим Лоушкин.

И вот слышим: за туманной завесой кто-то играет на гусях. Кто-то поёт, с кем-то беседует... Они это, Иван с Ондреяном! Туман-то будто рука подняла. Заветный островок перед нами, как со дна моря всплыл. Камни вокруг невысокого взлобья. На каждом камне большая белая птица. А что гусли играли — это лёгкий прибой. Волна о камень плеснёт да с камня бежит. Причалили; осторожно ступаем, чтобы птиц не задеть. А они сидят как изваяния. Всё как заколдовано. Всё будто в сказке. То ли не сказка: полуночное солнце будто читает ту доску личутинскую и начитаться не может.

Мы шапки сняли, наглядеться не можем. Перед нами художество, дело рук человеческих. А как пристало оно здесь к безбрежности моря, к этим птицам, сидящим на отмели, к нежной светлой тусклости неба!

Достопамятная доска с краёв обомшела, иссечена ветром и солёными брызгами. Но не увяло художество, не устарела соразмерность пропорций, не полиняло изящество вкуса.

Посредине доски письма — эпитафия, — делано высокой резьбой. По сторонам резана рама — обнос, с такою иллюзией, что узор неустанно бежит. По углам аллегории — тонущий корабль; опрокинутый факел; якорь спасения; птица феникс, горящая и не сгорающая. Стали читать эпитафию:

---

* Голомя — зд.: в открытом море.